

Н.Н. Седова

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: МЕЖДУ ТРЕВОГОЙ И ОПТИМИЗМОМ

СЕДОВА Наталья Николаевна – старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: nnsedova@inbox.ru

В статье делается попытка анализа эмоциональной компоненты жизни российского общества, в том числе применительно к ситуации финансово-экономического кризиса. Исследуются общие тенденции развития эмоционального состояния современного российского общества в континууме «пессимизм-оптимизм», выявляются основные факторы его развития, определяются социальные ниши, в которых формируются позитивные и негативные эманации. На основе проведенного анализа делается вывод о формировании в российском обществе накануне кризиса своеобразного симбиоза общественной стабильности и личной неуверенности, неопределенности, для определения этого симбиоза вводится термин «стабильная неопределенность». Анализ ведется на основе результатов исследования, проведенного Институтом социологии РАН 2009 г., с привлечением данных исследований других центров.

Ключевые слова: эмоциональное состояние общества, социальное самочувствие, оптимизм, пессимизм, страхи, тревоги, стабильная неопределенность.

В современной социологической науке все большее внимание уделяется исследованиям эмоциональной компоненты жизни общества, поскольку зачастую именно она позволяет объяснить механизмы социальных процессов, давать прогнозы относительно будущего развития общества. Важное значение при таком подходе приобретает изучение эмоциональной составляющей применительно к обществу в целом, а не только на уровне малых групп или индивидов, что свойственно сфере психологии, за которой традиционно было «закреплено» исследование феномена эмоций. В социологических исследованиях эмоциональная переменная рассматривается как зависимая от различных факторов и условий, и, напротив, как переменная

независимая, в качестве исходной точки для тех или иных процессов.¹⁶ Учет прогнозной функции эмоциональной компоненты делает ее изучение особенно актуальным применительно к кризисным состояниям в развитии общества.

Одной из задач проведенного базового исследования было изучение общих тенденций развития эмоционального состояния современного российского общества, оценка его «эмоционального градуса», выявление основных факторов его развития и социальных ниш, в которых формируются позитивные и негативные эманации. Подготовка данного материала пришлось на момент развития мирового финансового кризиса, поэтому естественной стала попытка дать хотя бы самый приблизительный прогноз развития эмоциональной компоненты и ее возможного влияния на поведение граждан в этих особых условиях.

Многочисленные социологические исследования свидетельствуют, что показатели эмоционального благополучия российского общества (рассматриваемые в самом широком их понимании, включая как сами эмоции, так и когнитивные оценки людьми своей жизни и жизни общества в целом) в последнее десятилетие имели общую положительную динамику. В качестве пожалуй самой яркой иллюстрации этого процесса можно привести динамику доли россиян, которые считают себя счастливыми. По данным мониторинговых опросов Левада-центра за период с 1989-1999 гг., до 2008 г. число таких людей увеличилось почти вдвое – с 42-49% до 76%.¹⁷ В 77% долю россиян, считающих себя в целом счастливыми, в марте 2008 г. оценил и ВЦИОМ.¹⁸ В результате показатели самооценок россиян по шкале «счастье» накануне кризиса достигли величин, сравнимых с американскими – по данным исследования маркетинговой компании Directions Research, в 2006 г. счастливыми себя назвали 77% американцев¹⁹. Характерно, что в Америке данный «уровень счастья» отмечается на протяжении уже почти сорока лет, т.е. всего срока, в течение которого ведутся опросы (с 1972 г.)²⁰. В России же эмоциональное благополучие вплоть до прошлого года имело тенденцию к росту, и, возможно, при благоприятном развитии ситуации могло бы приблизиться к «европейскому стандарту» (в

¹⁶ В частности, А. Горбатков ссылается на исследования, инициированные Д. Мак-Клелландом, связывающие рост и падение силы мотива достижения (соотношение надежды на успех и страха неудачи) у населения страны с периодами ее экономического подъема и спада. С другой стороны, эмоциональный статус изучается в связи с такими факторами, как работа, семья, друзья, досуг, хобби, материальная обеспеченность, экологические переменные, особенности менталитета и т.д. См. Горбатков А.А. Материальный и эмоциональный статус общества. К анализу кросскультурных данных // Социс. – 2004 – № 10. – С. 99-105.

¹⁷ Общественное мнение – 2008. М.: Левада_Центр, 2008, табл.2.8.

¹⁸ В жизни бывает всякое - и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, вы счастливы? http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=530&q_id=38006&date=16.03.2008

¹⁹ Американцы считают себя счастливыми. <http://www.utro.ru/news/2006/07/28/569932.shtml>

²⁰ <http://www.washprofile.org/ru/node/8353>

странах ЕС, по данным исследования TNS Opinion & Social, в целом счастливыми в 2006 г. считали себя 83% граждан²¹).

Важно отметить, что хотя по общей доле людей, считающих себя счастливыми, Россия постепенно приближалась к показателям развитых стран, здесь отмечалась заметная инерция прежних, скорее пессимистических, настроений. Так, только 14-22% (соответственно, 14% по данным Левада-центра и 22% по данным ВЦИОМ) причисляют себя к счастливчикам с полной уверенностью, большинство же говорят о счастье осторожно, используя ответ «скорее, да». Обратим внимание, что это данные на момент, когда стабильность в обществе воспринималась как некая константа и ничто, по крайней мере, в ощущениях простых граждан, не предвещало предстоящих трудностей. Сдержанность эмоционального состояния присуща не только россиянам - по данным упомянутых опросов, среди европейцев и даже среди американцев, традиционно воспринимаемых неотделимыми от девиза «у меня все ОК», о полноте своего счастья говорили только 25%. Однако в России доля полностью счастливых людей в 2008 г. до этого показателя все же заметно не дотягивала.

Представляется, что одним из важнейших факторов, определяющих эмоциональную сдержанность россиян, их боязнь сглазить, спугнуть удачу, является специфический исторический контекст, на протяжении разных этапов которого большинство людей пребывали в зависимом состоянии, не имея возможности повлиять на ситуацию, изменить ее с пользой для себя. К тому же последние десятилетия стали для людей временем постоянно меняющихся правил игры, хронических перемен и реформ. Как справедливо замечают авторы исследования социально-психологического состояния пореформенной России, «вся история нашей страны XX века убедила наших сограждан в возможности самого невероятного развития событий».²² Не случайна в этой связи особая тяга россиян к порядку, о дефиците которого свидетельствуют данные опросов, в частности, ВЦИОМ, согласно которым в 2008 г. большинство россиян (54%) выступали за первоочередность обеспечения безопасности и порядка, даже если это затронет права и свободы людей.²³ Дефицит же порядка – это фактор эмоциональной нестабильности, поскольку только порядок, как замечает З. Бауман, обеспечивает возможность с большей или меньшей вероятностью предсказывать результаты предпринимаемых действий и тем самым гарантирует определенную безопасность²⁴.

²¹ <http://utro.ua/news/2007/02/26/39083.shtml>

²² С сайта ИСПИ РАН, <http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros203.html>

²³ С сайта ВЦИОМ, <http://wciom.ru/poisk/baza-dannykh-arkhivarius>

²⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ., под. ред. Иноземцева В.Л.; Центр исследования постиндустриального общества, Журн. "Свобод. мысль". – М.: Логос, 2002. – 325 с.

С другой стороны, феномен эмоциональной сдержанности имеет культурные корни, традиционно являясь для россиян привлекательной тактикой поведения и мировосприятия. В ходе исследования ФОМ²⁵, проведенного в 2007 г., более половины наших сограждан (57%) заявили, что им симпатичней, ближе, приятней те люди, которые сдерживают свои эмоции, – как позитивные, так и негативные. Эмоциональная сдержанность (а может, даже скрытность) оказывается в еще большей чести, когда речь заходит о рабочих взаимоотношениях, – 64% респондентов говорят, что им легче работать с эмоционально сдержанными людьми. Учитывая, что лично себя две трети респондентов (63%) назвали натурами эмоциональными, можно предположить, что многие россияне специально «работают над собой» и пытаются обуздать свои эмоции. Во всяком случае, более двух третей опрошенных (69%) заявили, что придерживаются именно такой стратегии поведения, хотя почти половине из них (33%) скрыть эмоции обычно бывает трудно.

В базовом исследовании ИС РАН исходной точкой для анализа ситуации стала самоидентификация россиян в континууме «оптимист-пессимист», которая подтверждает вывод об эмоциональной сдержанности наших сограждан. Лишь менее половины опрошенных (40%) на просьбу охарактеризовать свое эмоциональное «я» ответили, что они оптимисты. «Законченных» пессимистов насчиталось всего 8%. Относительное же большинство респондентов (47%) выбрали промежуточный вариант - «где-то посередке» (см. рис. 1).

Рисунок 1.

Эмоциональная самохарактеристика россиян (%) (допускался один вариант ответа)

²⁵ Вовк Е.А. Чувства и эмоции в нашей жизни: отношение к эмоциональности и правила эмоционального поведения // Социальная реальность. - 2007. - №12 <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/let/d072325>.

Чаще всего «посередке» шкалы «пессимизм-оптимизм» себя размещают представители старшего поколения (53%), в то время как среди молодежи умеренных самооценок оказалось меньше всего (33%, см. рис.2). При этом, как и следовало ожидать, *молодые россияне продемонстрировали наиболее высокий уровень социального самочувствия*, заметно обогнав по доле оптимистов как средние возраста, так и в еще большей степени пожилых сограждан (55%, 41-42% и 28%, соответственно).

Середину шкалы определили для себя и большинство малообеспеченных и бедных россиян (53-54%). Обратим внимание, что неблагоприятное или даже бедственное материальное положение не загнало этих людей в эмоциональную пропасть – к пессимистам в этих группах себя относят 9-12% опрошенных.

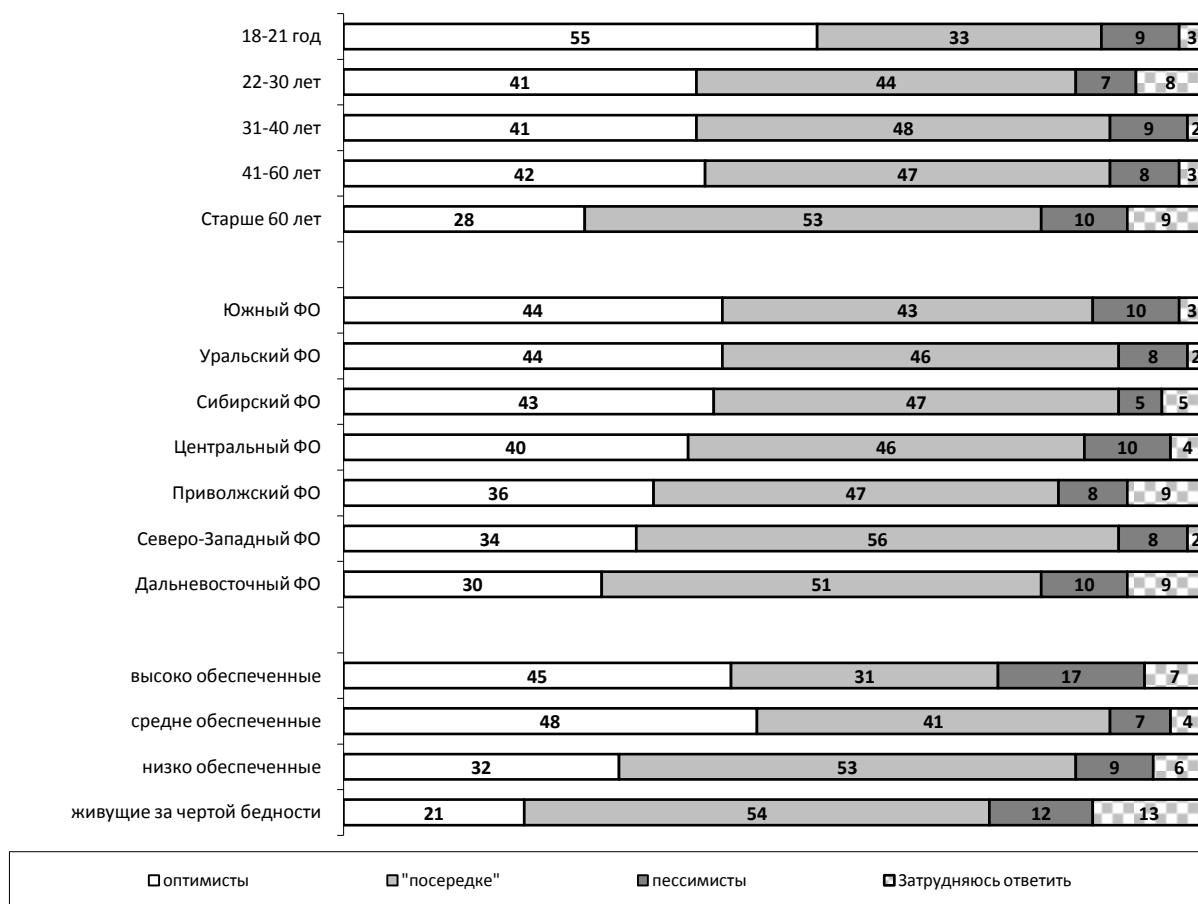
Риск оказаться в числе пессимистов в современной России даже в большей степени, чем бедные, имеют высоко обеспеченные люди (17%). Впрочем, среди них много также и оптимистов (45% - один из самых высоких показателей по массиву). А вот в середине шкалы эмоционального состояния видят себя только 31% представителей высоко обеспеченных россиян (самый низкий показатель по массиву).

Другими словами, если плохое материальное положение чаще связано с эмоциональной сдержанностью и неопределенностью, то высокая материальная обеспеченность, напротив, чаще соотносится с неким «эмоциональным радикализмом».

Исследование выявило любопытные особенности на географической «карте эмоций» россиян. Чем дальше на Юг – тем больше среди наших сограждан оптимистов (44%), тогда как Север и Дальний Восток характеризуются наибольшей долей средних, умеренных самооценок (51-56%). Опрос, таким образом, еще раз подтвердил справедливость стереотипных представлений о горячем южном темпераменте и сдержанности жителей территорий с суровым холодным климатом.

Рисунок 2.

Эмоциональная самохарактеристика респондентов из различных социально-демографических групп (%) (допускался один вариант ответа)

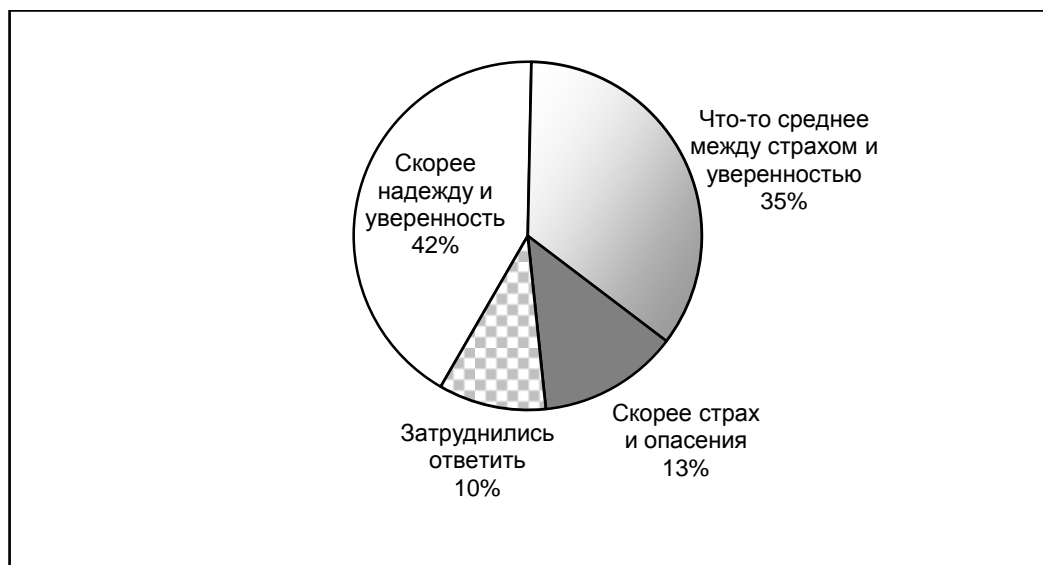

Важнейшая составляющая эмоционального фона в обществе – **отношение граждан к будущему, как собственному, так и страны в целом**. Как свидетельствуют полученные данные, *завтрашний день российского государства нашим согражданам виделся накануне кризиса скорее в светлых красках*. Так, 42% опрошенных, думая о будущем страны, испытывали надежду и уверенность, страхи же и опасения с ним связывали гораздо меньшее число респондентов (13%, см. рис. 3).

В то же время, каждый третий опрошенный старался «не ударяться в крайности» и высказал весьма сдержанное суждение – «испытываю что-то среднее между страхом и уверенностью» (35%), что еще раз подтверждает тезис о тяготении россиян к эмоциональной сдержанности, поддерживаемой сравнительно недавним негативным опытом в жизни страны.

Рисунок 3

Чувства, которые испытывают россияне, думая о будущем страны (%) (допускался один вариант ответа)

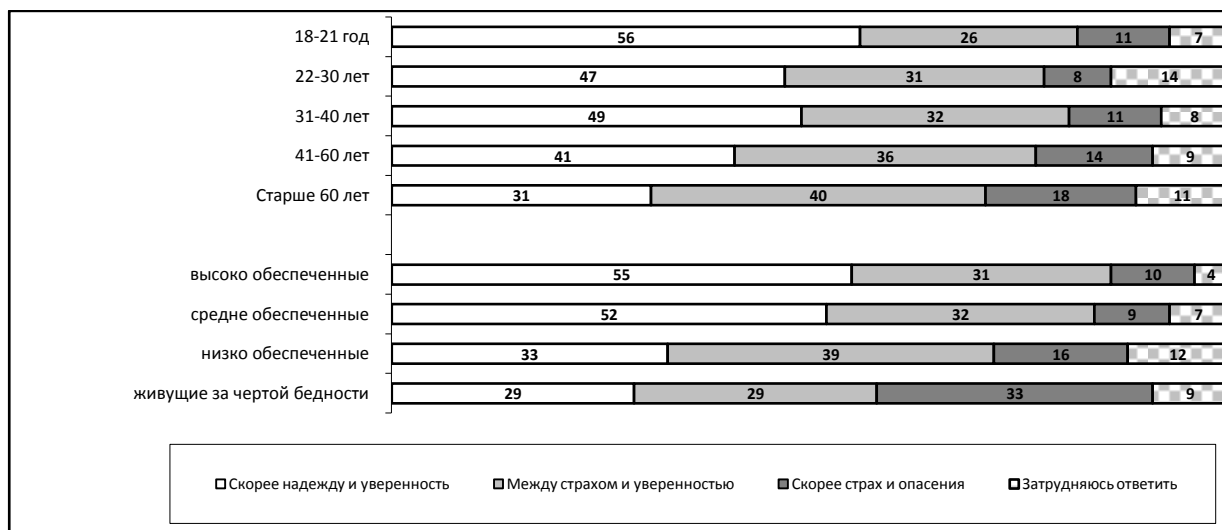
Анализ межгрупповых различий иллюстрирует некоторые особенности восприятия будущего страны в зависимости от социального статуса респондентов (см. рис. 4).

Во-первых, следует отметить ярко выраженный тренд на *снижение доли оптимистических оценок с возрастом опрошенных* – если среди молодежи 18-21 года с надеждой и уверенностью в будущее страны смотрят большинство (56%), то среди пожилых опрошенных однозначно оптимистических оценок менее трети (31%). Однако снижение оптимизма не сопровождается, как можно было бы предположить, столь же существенным усилением противоположной тенденции - пессимистических настроений. Некоторый рост доли негативных прогнозов с увеличением возрастного ценза, действительно, наблюдается (с 8-11% среди молодежи до 18% среди пожилых людей), однако основное перераспределение настроений идет в пользу сдержанных оценок – если в молодежной подгруппе срединные оценки будущему страны дали только 26%, то среди опрошенных старше 60% они встречаются в 40% случаев. Другими словами, стереотип о «вечно брюзжащем» старшем поколении не получает в данном случае подтверждения. Скорее можно говорить о *большей осторожности суждений пожилых людей* и меньшей склонности к «шапкозакидательскому» оптимизму.

Сходная, на первый взгляд, тенденция, обнаруживается при анализе взглядов на будущее страны в группах опрошенных, дифференцированных по уровню материальной обеспеченности. Чем ниже уровень благосостояния, тем меньше в прогнозах оптимизма. Если в группах средне и высоко обеспеченных респондентов надежду и уверенность с будущим страны связывают 52-55%, то среди мало обеспеченных и живущих за чертой бедности соответствующий показатель падает до 33-29%. Однако, в отличие от тенденции, связанной с возрастом опрошенных, снижение оптимизма при ухудшении материального положения замещается не срединными, а определенно негативными оценками. И если среди хорошо обеспеченных россиян страх и опасения в связи с будущим страны испытывают только 9-10%, то среди представителей беднейших слоев населения пессимистические настроения демонстрируют 33%. Напомним, что при оценках собственного эмоционального статуса мало обеспеченные россияне, и даже живущие за чертой бедности, не демонстрировали подобного нарастания пессимизма. Таким образом, можно сказать, что *взгляд на будущее страны, и не только его позитивная, но и негативная составляющая, действительно сильно зависят от уровня материальной обеспеченности людей.*

Рисунок 4.

Чувства, которые испытывают, думая о будущем страны, респонденты различного возраста и уровня материальной обеспеченности (%) (допускался один вариант ответа)

Как и будущее страны в целом, собственное будущее россияне также оценивают скорее со знаком «плюс». Полностью уверены в собственном «завтра» 8% опрошенных, еще 43% в нем

«скорее уверены». Таким образом, общее число людей, дающих позитивный прогноз собственного будущего, составляет 51%.

На другой чаше весов мнения 38% россиян, среди которых 24% скорее не уверены в своем завтрашнем дне и 14% совершенно не уверены.

Общий баланс положительных и отрицательных суждений составляет 51/38 (см. рис. 5).

Рисунок 5.

Уверенность россиян в своем будущем (%)(допускался один вариант ответа)

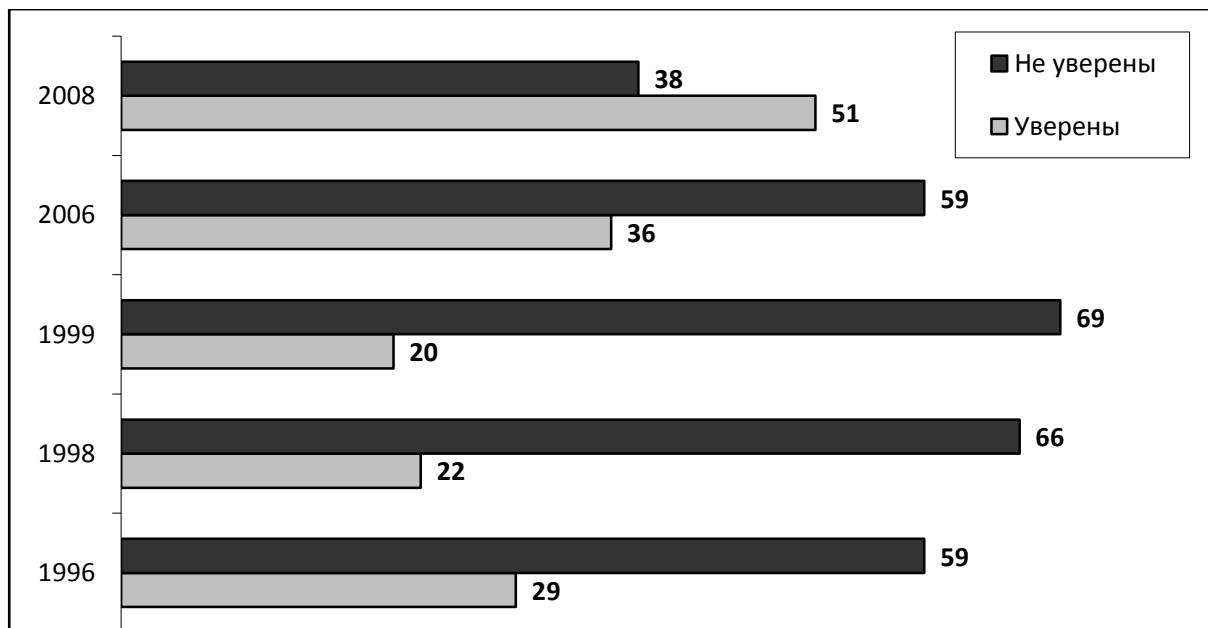

При этом следует подчеркнуть, что *нынешний прогноз россиянами собственного будущего – это результат многолетней позитивной тенденции.* Обратившись к данным исследований с 1996 года, можно проследить, как менялась динамика мнений. Опросы 1996-1999 гг. показывали постоянное снижение положительных оценок (с 29% до 20%) и рост отрицательных (с 59% до 69%). Замеры же 2006-2008 гг. свидетельствуют об изменении тренда на обратный. Оптимизм людей растет (число опрошенных, уверенных в будущем, увеличивается до 36%, а потом и до 51%), а пессимистические настроения, напротив, ослабевают (доля респондентов, не уверенных в будущем, снижается до 69%, а к настоящему времени до 38%).

Причем последние два года стали переломными – в 2008 г., впервые за 12 лет, был зафиксирован положительный баланс оценок, причем ярко выраженный (см. рис. 6).

Рисунок 6.

Динамика показателей уверенности россиян в своем будущем (%) (допускался один вариант ответа, без учета затруднившихся с ответом)

В то же время, если проанализировать соотношение позитивных и негативных прогнозов россиян относительно собственного будущего и будущего страны в целом, выяснится, что личный прогноз все же является менее оптимистичным, нежели страновой. Действительно, если доля оценок со знаком «плюс» превышает долю оценок «минус» в личном прогнозе в 1,34 раза, то в страновом прогнозе этот показатель значительно выше – 3,23 раза (42% «+» и 13% «-»). Иначе говоря, в будущее России россияне смотрят с заметно большим оптимизмом, нежели в собственное.

Личный прогноз, также как и страновой, коррелирует с возрастом опрошенных. Чем люди старше, тем меньше среди них оптимистов и больше – пессимистов (см. рис. 7). В результате меняется общий баланс позитивных и негативных суждений – с выраженного положительного в молодежной подгруппе (69% «+» против 21% «-») до выраженного негативного среди пожилых опрошенных (36% «+» против 53% «-»).

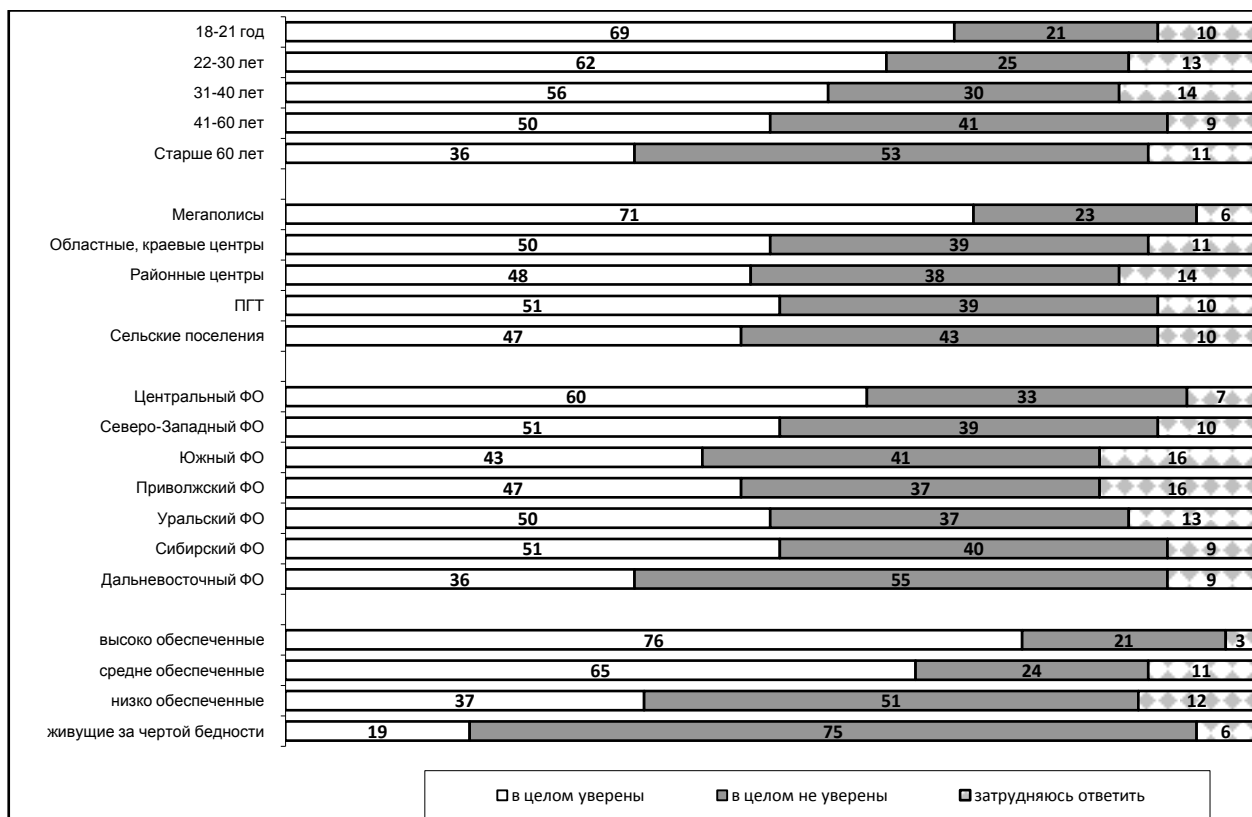
Нарастание негативных личных прогнозов, и даже более существенное, наблюдается со снижением уровня материальной обеспеченности граждан. В группе высоко обеспеченных россиян оптимистичные прогнозы доминируют над пессимистичными с разрывом в 3,6 раза (76% «+» против 21% «-»). Напротив, среди россиян, живущих за чертой бедности, доминантой являются пессимистичные прогнозы, превышающие долю оптимистичных почти в 4 раза (19% «+» против 75% «-»).

Таким образом, *возраст и материальное положение можно рассматривать как факторы формирования позитивного либо негативного взгляда людей на их собственное будущее.*

Любопытны различия в отношении людей к собственному будущему в зависимости от территориально-административных особенностей их проживания. Во-первых, обращает на себя внимание заметно более высокий уровень оптимизма среди жителей мегаполисов. Здесь 71% опрошенных в той или иной степени уверены в своем будущем при минимальной доле тех, кто в нем не уверен (23%). Среди жителей остальных типов поселения заметной разницы в этих показателях не зафиксировано. Во-вторых, отмечается некая *центробежная тенденция в показателях оптимизма среди жителей различных территорий страны.* Самый высокий уровень оптимизма характерен для Центра страны, самый низкий – для наиболее удаленных от Центра территорий, т.е. для Дальнего Востока. При этом при движении от центра знак оценок собственного будущего меняется с «плюса» на «минус» (в Центре 60% «+» против 33% «-», тогда как на Дальнем Востоке 36% «+» против 55% «-»).

Рисунок 7

Уверенность в своем будущем респондентов, представляющих различные социально-демографические группы населения (%) (допускался один вариант ответа)

Подчеркнем, что вышеприведенные данные отражают отношение россиян к будущему страны и своему собственному в 2008 г., т.е. до наступления кризиса. Уже в первые месяцы 2009 г., с разворачиванием кризисных явлений в экономике и социальной сфере, показатели социального самочувствия населения резко снизились. Так, по данным ВЦИОМ²⁶, в феврале 2009 г. доля тех, кто чувствовал уверенность в завтрашнем дне, составила 32% (при 51% по данным ИС РАН в 2008 г.). Большинство же, напротив, такой уверенности уже не чувствовали (63% против 38% в 2008 г.).

Если обратиться к периоду относительной социальной стабильности, до наступления финансового кризиса, то данные об отношении людей к собственному будущему дают основания для подтверждения высказанного ранее тезиса о том, что социальные настроения и эмоциональный статус российского общества в 2000-х гг. имели тенденцию приближения к

²⁶ Уверенность в завтрашнем дне - редкое чувство. Что в кризис, что без него... Пресс-выпуск №1167, с <http://wciom.ru>

лучшим мировым стандартам. Об этом, в частности, говорят данные международного исследования, проведенного Агентством «Евразийский монитор» на базе онлайн-панели компании GMI в странах «Большой восьмерки» в 2006 г. Так, в российской аудитории Интернет доля опрошенных, в целом уверенных в своем будущем, составила 54%, в Германии этот показатель составил 59%, в Великобритании 63%, в Италии 51%. Эти страны составили своеобразную «среднюю лигу». В «высшей лиге» оказались США и Канада, где в той или иной степени уверены в своем будущем три четверти и более опрошенных (75% и 79% соответственно). Аутсайдерами оказались Франция и Япония, где таких респондентов было около трети (36% и 31% соответственно)²⁷.

Понятно, что беря за основу данные опроса пользователей Интернет, применительно к России мы имеем дело с «особой кастой» людей – в своей массе социально успешных, активных, что называется «продвинутых». Однако показатели уверенности в завтрашнем дне и среди «простых граждан», фиксируемые стандартными общероссийскими опросами того же времени (на уровне 36%), соответствуют самооценкам представителей Интернет-аудитории таких развитых стран как Франция (36%) и Япония (31%).

Несмотря на то, что последнее десятилетие стало переломным периодом в социальных настроениях российского общества, сами *граждане весьма неоднозначно оценивают те изменения, которые происходили в это время в их ощущениях.*

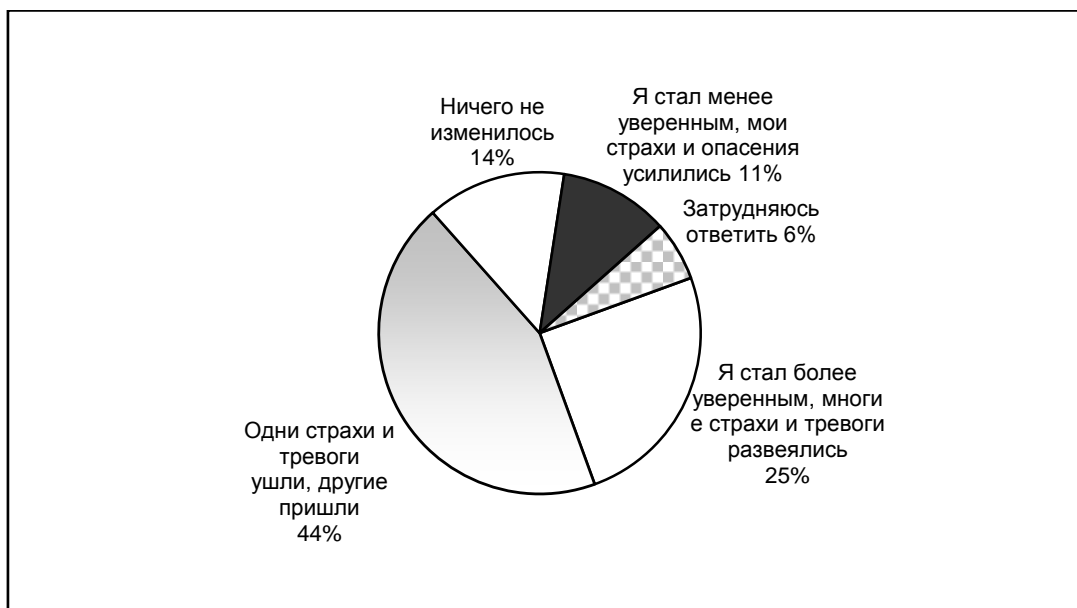
О том, что они стали более уверенными, и что их страхи и тревоги развеялись, заявили четверть опрошенных (25%). Об усилении тревожности и снижении уверенности говорили 11%.

Большинство же так или иначе, но высказались за то, что в целом их ощущения не приобрели ни явно выраженного положительного, ни отрицательного вектора. Так, 44% сказали, что одни страхи и тревоги уступили место другим, 14% считают, что в их самоощущениях вообще ничего не изменилось, 6% затруднились ответить на вопрос (см. рис. 8).

²⁷ <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-123.html>

Рисунок 8.

Сравнение россиянами своих сегодняшних ощущений и того, что они ощущали примерно 10 лет назад (%) (допускался один вариант ответа)

Кто же попал в число счастливиц, которым последние годы принесли избавление от страхов и тревог?

Прежде всего, уверенность в себе обрели те люди, которым удалось улучшить свое материальное положение или же сохранить его прежний высокий уровень. Среди опрошенных, отнесших себя к группе «высоко обеспеченных», об обретении уверенности и избавлении от страхов и тревог заявил практически каждый второй (48%) – это самый высокий показатель по массиву (см. рис. 9).

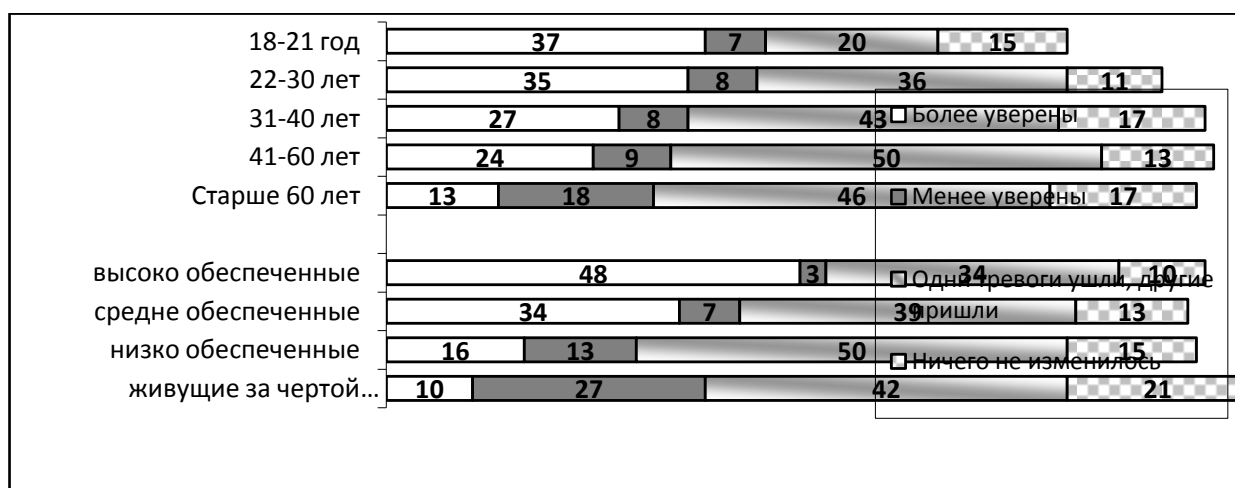
Вообще, анализ данных свидетельствует о существовании прямой зависимости изменения мироощущения людей от уровня их материальной обеспеченности – чем лучше материальное положение, тем больше людей, чья уверенность в себе растет год от года. И наоборот – от группы высоко обеспеченных к группе живущих за чертой бедности с 3% до 27% растет число людей, становящихся все менее уверенными в себе, подверженных различным страхам и тревогам.

Обратная связь, хотя и не столь заметно выраженная, обнаруживается между динамикой самооощущения людей и их возрастом – чем старше респонденты, тем меньше среди них тех, кто уверен в своих силах (13% при 37% среди молодежи). И, напротив, больше тех, кто не уверен в

себе, чьи тревоги и страхи не только не проходят, но только усиливаются (46-50% среди опрошенных старше 40 лет при 7-8% в молодежных подгруппах).

Рисунок 9.

Сравнение своих сегодняшних ощущений и того, что они ощущали примерно 10 лет назад, респондентами разного возраста имущественного положения (%) (допускался один вариант ответа, без учета затруднившихся с ответом)

Рост уверенности в себе и избавление от страхов и тревог – величина, обратная размеру и административному статусу места проживания. Так, от мегаполисов к селам с 38% до 17% снижается число опрошенных, обретших за последнее десятилетие уверенность в себе. Однако следует подчеркнуть, что снижение оптимистических самооценок при движении от мегаполисов к малой провинции отнюдь не означает обратной тенденции. Доля неуверенных в себе людей в городах-миллионниках и селам не отличается (на уровне 8-9%). Другое дело, что со снижением размера и статуса поселения растет число тех, кто отмечает примерно прежний уровень тревожности, но с новым наполнением. Так, если в мегаполисах ответ «одни тревоги ушли, другие пришли» выбирают 38%, то в остальных городах таких насчитывается уже 41-45%, а в селам - все 50%.

Среди отдельных территорий обращает на себя внимание Центральный федеральный округ. Именно здесь отмечен самый высокий среди всех округов процент людей, которые за последние 10 лет почувствовали себя более уверенно, чем раньше (32%).

Также особое положение занимает Дальний Восток, где позитивную динамику своих ощущений отметили наименьшее число опрошенных (15%). Зато по числу негативных

самооценок Дальневосточный ФО не отличается от многих других территорий (например, Сибирского, Приволжского, Северо-Западного округов). Другое дело – число людей, заявивших, что их мироощущение практически не изменилось (28% - самый высокий показатель по массиву). Таким образом, территориальная удаленность данного региона от центра некоторым образом «консервирует» мироощущения его жителей.

Как же сами люди **объясняют** то, что происходило в эти годы в их эмоциональном состоянии?

Чаще всего изменения, которые происходят в их мироощущениях, россияне связывают просто с течением, изменением времени, с тем, что они сами становятся старше – так ответили на вопрос о причинах перемен в восприятии окружающего относительное большинство (41%) опрошенных.

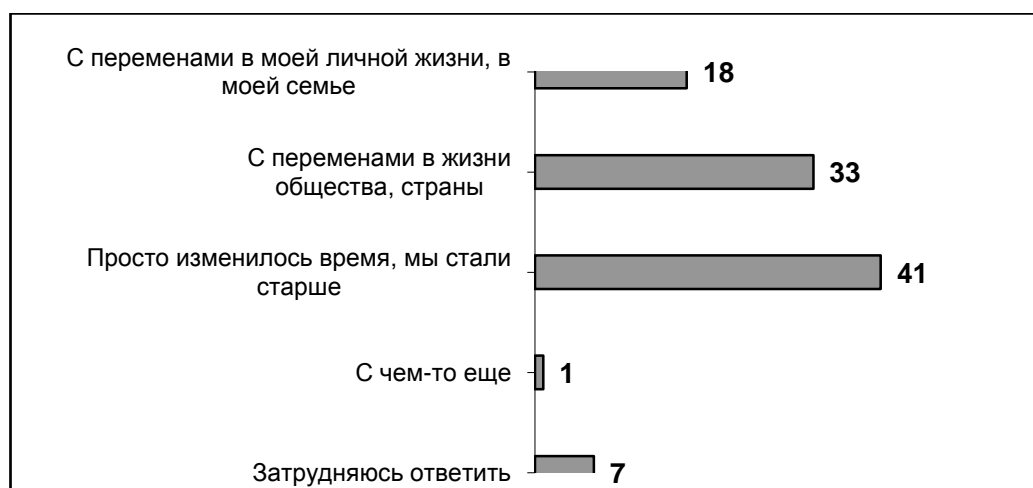
Такая трактовка вопроса не противоречит и другой позиции – 18% объясняют изменения тем, что изменилась их личная жизнь, произошли перемены в семье.

Так или иначе, но большинство (59%) россиян связывают динамику собственного мировосприятия с изменениями в своем «я», собственном внутреннем мире.

Тех же, кто объясняет динамику своего восприятия окружающего внешними причинами, «переменами в жизни общества, страны», среди опрошенных оказалось 33% (см. рис. 10).

Рисунок 10.

Мнение россиян о том, с чем связаны перемены в их восприятии окружающего (%) (допускался один вариант ответа)

Респонденты, отметившие *рост уверенности в себе*, избавление от различных страхов и тревог, связывают их *в равной степени как с личной жизнью, так и переменами в жизни общества и просто течением времени*.

По другому объясняют причины произошедших перемен те опрошенные, которые стали за последние годы *менее уверенными в себе*, чья тревожность год от года нарастала - в этой группе респондентов основные ссылки были сделаны *на перемены в жизни общества (47%)*. Второй по значимости причиной стало изменение времени, собственный возраст (36%).

«Просто время» и собственный возраст стали причиной №1 для людей, которые, отмечая примерно прежний уровень тревожности, говорили о том, что их страхи и тревоги никуда не делись, просто изменился их предмет (47%). Перемены в обществе здесь стоят на втором месте (31%).

В целом же следует подчеркнуть, что *самое сильное отрицательное влияние на эмоциональное самочувствие россиян оказывают перемены в жизни общества – именно они чаще всего называются в качестве причин роста неуверенности и тревожности теми людьми, которые их испытывали*.

Неслучайно, поэтому, несмотря на признаки стабильности, отмечавшиеся в российском обществе в последние годы, ***основной характеристикой, которую россияне в ходе опроса дали нынешнему времени, стала «эпоха неопределенности»***. Так думают большинство (59%) респондентов. Мнение же, что мы живем в благополучные, спокойные времена, в эпоху стабильности, разделяют немногие (6%).

Впрочем, среди опрошенных достаточно многочисленной (21%) оказалась и группа тех, кто полагает, что нынешние времена – это эпоха больших свершений, подъема страны и общества (см. рис. 11).

Рисунок 11

Мнение россиян о том, как можно в целом охарактеризовать нынешние времена (%)
(допускался один вариант ответа)

По всей видимости, ощущение всеобщей неопределенности, выраженное в ответах на вопрос о том, что есть «нынешние времена», в значительной степени формирует ранее отмеченную сдержанность эмоционального восприятия россиянами собственного настоящего и будущего, а также будущего страны в целом. Ближайшие и отдаленные перспективы непрояснены, а потому и оценить их сложно. Таким образом, в российском обществе накануне кризиса сформировался своеобразный симбиоз общественной стабильности и личной неуверенности и неопределенности, этакая «стабильная неопределенность».

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ., под. ред. Иноземцева В.Л.; Центр исследования постиндустриального общества, Журн. "Свобод. мысль". – М.: Логос, 2002. – 325 с.
2. Вовк Е.А. Чувства и эмоции в нашей жизни: отношение к эмоциональности и правила эмоционального поведения // Социальная реальность. – 2007. – №12 <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/let/d072325>.

3. Горбатков А.А. Материальный и эмоциональный статус общества. К анализу кросскультурных данных // Социс. – 2004 – № 10. – С. 99-105.
4. Горшков М.К. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социологические исследования. – 2006. – № 12. – С.3–8.
5. Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян: "западники" и "традиционалисты" // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С.44–50.